

Ильяс Есенберлин – основоположник постсоветского казахского национализма

Арман КАУМЕН

К30-летию независимости Республики Казахстан в декабре 2021 г. медиа-холдинг «Агентство “Хабар”» подготовило трёхсерийный документальный фильм «Казахи. История государственности», где были показаны ключевые моменты становления казах(стан)ской нации. Помимо желания продемонстрировать гражданам достижения предков, фильм частично являлся ответом на периодически появляющиеся в общественном пространстве высказывания об отсутствии у казахов государственности в досоветскую эпоху. Главная задача – представить теоретическую основу современной, официально признанной на государственном уровне постсоветской казах(стан)ской национальной идеи.

Мало кто понимает, кроме бенефициаров развода СССР, что формированию национализма на территории постсоветских республик способствовали (во многом неосознанно) национальные писатели. Одним из представителей последних в Казахской ССР был Ильяс Есенберлин, чей роман-трилогия «Кочевники» до сих пор является художественной мантрой многих современных казахских националистов.

КАУМЕН Арман – соискатель философского факультета Карлова университета (Прага, Чехия). E-mail: kaument.arman@mail.ru

Ключевые слова: постсоветский казахский национализм, примордialiизм, кочевники.

Конструирование казахской примордиальной идентичности

С окончанием Первой мировой войны в мире возникло множество экономических, политических, национальных и военных противоречий, свидетельствовавших о неизбежности возникновения нового, куда более масштабного военного конфликта. Так как Советский Союз мог подвергнуться нападению со стороны капиталистических стран, то И.В. Сталиным был взят курс на форсированную индустриализацию для преодоления технологического и экономического отставания страны [1]. Для достижения данной цели, помимо всего прочего, было необходимо консолидировать огромное культурно-гетерогенное общество страны. Особенно это касалось отсталых восточных окраин Российской империи, население которой делилось на множество премодернистских социокультурных образований вроде родов, племён, религиозных конфессий и т. д.

Поскольку модернизация в Европе почти всегда сопровождалась конструированием политической нации, то было принято решение спроектировать опыт европейского нациестроительства на Советский Союз, что позволяло существенно снизить градус социокультурной

фрагментарности в восточной части страны [2].

Активная большевистская национальная политика на окраинах большой России позволяла советскому Центру завоевывать доверие периферии. Именно поэтому была отвергнута ленинская национальная доктрина, заключающаяся в борьбе против национального угнетения, но не содействующая нациестроительству [3]. Вместо неё была взята на вооружение сталинская «политика положительной деятельности», согласно которой было необходимо помочь народам национальных окраин ликвидировать неграмотность за счёт развития их национальной культуры (языка, учебных заведений, литературы, театров и т. д.), подготовки собственных национальных кадров для управленческой деятельности, науки, культуры и предоставления автономии каждой национальности [4]. Однако классовая (пролетарская) самоидентификация должна была доминировать над национальной, дабы не допустить главенства одной нации над остальными [5, с. 71–72]. Таким образом, большевистская национальная доктрина была «национальной по форме, но социалистической по содержанию».

¹ Верхутров Д. Экономические победы Сталина. М.: Наше завтра, 2021. С. 16–39.

² Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2005. Р. 62–69.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 132–133.

⁴ Сталин И.В. Политика советской власти по национальному вопросу, 1920 // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 60–63.

⁵ Сталин И.В. Об очередных задачах партий в национальном вопросе, 1921 // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 71–72.

Изначально нации рассматривались большевиками сугубо как продукты развитого капитализма, экспенсивная сущность которого порождала национальное угнетение и империализм. Исходя из этого, лишь диктатура пролетариата была в состоянии обеспечить равенство всех народов [5, с. 65–66]. Подобное видение проблемы господствовало лишь до 30-х годов, когда ВКП(б) выдвинула лозунг о построении социализма в отдельно взятой стране и начала проводить примордиализацию* культур всех советских национальностей. Масштабная индустриализация и укрепление обороноспособности страны требовали обоснления советских наций от капиталистического мира. Контроль эффективности «политики положительной деятельности», как и формирование национального самосознания в целом, нуждались в институционализации последнего, что и стало поводом для перманентного фиксирования этнической принадлежности граждан страны. Этничность, таким образом, уже воспринималась как врождённая форма самоидентификации каждого человека, передающаяся по наследству. Вдобавок она приобрела глубокие исторические корни совместно с естественным ареалом обитания, площадь которого ограничивалась территорией национальных автономий [6]. При этом сама примордиализация ни в коей мере не про-

тиворечила основным принципам советского интернационализма, поскольку проводилась параллельно с политикой дружбы народов, в рамках которой государство прививало своим гражданам уважение к истории и культуре всех народов.

В подобной атмосфере самобытность наций не только не подавлялась, но и всячески подчёркивалась, что видно на примере Казахстана, чьи современные границы по большому счёту сформировались в 1924 г. До Октябрьской революции эту территорию населяли разрозненные кочевые племена, для которых родоплеменная идентичность превалировала над всякими этнонациональными. А поскольку кочевой скотоводческий жизненный уклад рассматривался большевиками как препятствие на пути к модернизации общества, то коренное население большой казахской степи должно было осесть, что и было сделано [7]. Впоследствии порой никак не связанные друг с другом атрибуты умирающей кочевой культуры использовались советскими этнографами, историками и фольклористами для конструирования традиционной массовой «фольк-культуры» уже единой казахской нации, причём некоторые элементы последней (например, казахский национальный костюм) даже не имели ничего общего с дореволюционными реалиями, а являлись оригинальными продуктами советских учёных. Так-

⁶ Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2001. P. 449–451.

⁷ Акимбеков С. Казахи между революцией и голодом. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2021.

* Примордиализация – представление об этносах как сообществах, соединённых кровнородственными (биологическими) связями.

же была проведена стандартизация казахского языка, введена общая система образования и построено огромное множество объектов инфраструктуры западной/русской «высокой культуры» [8].

Однако нациестроительство в Казахстане наткнулось на одно существенное противоречие. С одной стороны, всячески культивировался образ благородного и мужественного степняка в казахском фольклоре и культуре, а с другой – поскольку кочевой уклад в рамках советской национальной политики не соответствовал стандартам прогрессивного общества, то тот же самый образ часто демонизировался или вовсе игнорировался в казахской историографии.

Начиная с 40-х годов упор делался прежде всего на изучение южных регионов Средней Азии, где в древности существовали оседлые государства и строились города. В то же время огромные северные степные пространства в большинстве своём оставались белым неизведанным пятном в казахской истории. Поэтому нашестье монголов в XIII в. рассматривалось в сугубо негативном ключе. Монгольские завоеватели, согласно официальной историографии, прославились лишь полным уничтожением экономики всех оседлых завоёванных государств, и только с вхождением в состав Российской империи казахи снова пошли по пути общественного прогресса. Необходимо отметить, что примордиализация советских националь-

ных идентичностей (прежде всего в Средней Азии), несмотря на изначально благородные намерения большевиков, в итоге сыграло с ними злую шутку, так как каждая страна пыталась приватизировать достижения общностей, существовавших когда-либо на её территории, но не имевших ничего общего с современной этнонациональной самоидентификацией.

Изучение истории, таким образом, требовало более широкого, регионального подхода, что никак не вписывалось в общепринятую на тот момент концепцию примордиальных национальных государств. Те же историки, которые пытались двинуться в другом направлении, обвинялись своими коллегами в потворствовании буржуазному национализму [9].

Данный научный пробел в конце концов принял заполнять писатели, которые по сравнению с историками в силу творческого характера своей деятельности имели более широкие возможности. Их авторитет в советском обществе был на высоком уровне, поскольку государство в определённой мере делегировало им полномочия по духовному воспитанию граждан, о чём свидетельствовал хотя бы тот факт, что И.В. Сталин называл писателей «инженерами человеческих душ» и уделял большое внимание творчеству советских писателей, всячески поддерживая развитие художественной литературы в национальных республиках.

⁸ Ubiria G. Soviet Nation-Building in Central Asia: the making of the Kazakh and Uzbek Nation. L.; N.Y.: Routledge, 2016. P. 153–159, 162–164, 169.

⁹ Bustanov A. K. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. L.; N.Y.: Routledge, 2015. P. 54–55, 58–59, 63–64, 71–73.

В Казахской ССР становление национальной литературы заняло несколько десятков лет, но уже ближе к концу сталинской эпохи появилась целая плеяда писателей, чьи труды стали в некоторой

степени интеллектуальным подспорьем для формирования постсоветского (буржуазного) казахского национализма. Одним из этой плеяды как раз таки и был Ильяс Есенберлин.

Возрождение кочевого этоса

Втечение последних 30 лет вышеописанная ситуация в казахстанской историографии кардинально изменилась.

Кочевые империи Центральной Евразии отныне стали символом гордости и величия казахов, а современная казахская государственность на официальном уровне считается преемницей Золотой Орды. Именно так в упомянутом фильме и трактуется история в современном Казахстане. Персонажи, изучение которых долгое время не поощрялось, взошли на исторический пьедестал, а кочевой образ жизни наконец-то завоевал должное внимание профессиональных историков [10, 11]. Образ степняка теперь ассоциируется не с отсталостью и кровожадностью, а с благородством и свободолюбием. При этом присоединение к Российской империи уже воспринимается как «ликвидация независимого казахского государства» из-за необходимости выбрать меньшее зло в критические для казахов дни. Советский же период, во временных рамках которого и строилась казахская национальная идентичность, теперь считается эпохой национального

угнетения и беспамятства. На суд общественности выносятся прежде всего самые противоречивые и неизученные из-за отсутствия доступа к первоисточникам моменты советской истории, в то время как положительная сторона вопроса либо замалчивается, либо упоминается вскользь.

В своё время основная проблема с изучением истории кочевых племён, проживавших на территории советской Средней Азии, заключалась в отсутствии у них письменности. Поэтому в качестве источников служили документы соседних государств (России, Китая, Ирана и среднеазиатских ханств), а также устные предания самих кочевников, передававшихся из поколения в поколение.

Одним из первых, кто проделал большую работу по изучению огромного массива всех этих данных, стал писатель Ильяс Есенберлин, родившийся в 1915 г. на территории нынешнего Северного Казахстана. Он ещё в раннем детстве слушал предания и легенды местных сказителей о казахских правительствах, доблестных воинах и великих сражениях.

¹⁰ Акимбеков С. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2016.

¹¹ Темиргалиев Р. Ак-Орда: история Казахского ханства. Аспандау, 2013.

И. Есенберлин начал свою литературную карьеру с поэзии, драматургии и переводов, а затем перешёл на прозу в жанре социалистического реализма [12, с. 5].

Но даже в работах, посвящённых актуальным проблемам, Есенберлин обращался к исторической тематике.

Так, в романе «*Опасная переправа*» о становлении советской власти в Казахстане он пишет: «История казахов начинается с того, что примерно за двести лет до Рождества Христова, уйсуны – одно из главных и наиболее мощных казахских племён – вышли к озеру Балхаш» [13].

Здесь в полной мере отражено влияние проводимой с 30-х годов примордиизации национального самосознания в СССР. Казахи представлены автором как древняя общность, чьи корни берут начало в дохристовой эре.

Наиболее полно историческая проблематика была затронута Есенберлиным в конце 60-х годов в романе-трилогии «*Кочевники*», где в художественной форме описано развитие Казахского ханства с середины XV до середины XIX в. В третьей части он пишет о табуированном в советское время историческом персонаже – последнем хане казахских кочевников Кенесары, за что был подвергнут резкой критике со стороны своих (прежде всего казахских) коллег. Этот хан с точки зрения социалистической идеологии считался реакционной фигурой, отстаивающей сохранение феодального строя. Поэтому всяческие попытки его идеализировать пресекались.

Как уже говорилось, Есенберлин с детства отлично знал все устные предания о казахских кочевниках, и, прежде чем браться за историческую тему, он изучал многие доступные в то время архивные материалы. Именно это придаёт его художественным произведениям историческую достоверность. Поэтому многим этническим казахам, особенно в 80-е годы, романы Есенберлина порой заменяли уроки истории Казахстана в средней школе. Что же до самого хана Кенесары, то автор ни в коей мере не пытался его возвеличить. Скорее он хотел воссоздать его образ со всеми внутренними противоречиями, проявляющимися, с одной стороны, в борьбе за свободу разрозненного казахского народа против «царского колониального гнёта», а с другой – в ведении этой борьбы пагубными для народа методами. В романе наглядно показано, как Кенесары постепенно начинает применять методы жестокой расправы над теми, кто не желает его поддерживать, руководствуясь честолюбием и стремлением к безграничной власти, а к концу своего жизненного пути предпочёл не сдаваться, а принять смерть, понимая всю бесперспективность своих действий [14].

Как бы то ни было, роман произвёл революцию в казахской литературе, так как впервые отрицательный исторический персонаж, вроде хана Кенесары, занял главное место

¹² Есенберлин И. Кочевники. Кн. 1. Заговорённый меч / пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата: Жазушы, 1986.

¹³ Есенберлин И. Опасная переправа / пер. с каз. Ю. Домбровского. М.: Советский писатель, 1970. С. 88.

¹⁴ Есенберлин И. Кочевники. Кн. 3. Хан Кене / пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата: Жазушы, 1986. С. 148, 195, 214.

в повествовании. Естественно, что после распада Советского Союза его образ отлично вписался в концепцию постсоветской национальной политики Казахстана, став своего рода символом национально-освободительной борьбы и территориальной целостности [15].

И всё-таки самого Есенберлина ни в коем случае нельзя назвать антисоветчиком или радикальным националистом. Он, как и большинство его коллег по литературному цеху, был предан принципам социалистического интернационализма, что не могло не найти отражения в его творчестве. Даже его исторические произведения были написаны с позиции классовой борьбы. Недаром во второй части трилогии – «Отчаяние», помимо возрождения образов великих ханов (Аблай и Абулхайир), народных героев (Богенбай батыр) и мудрецов (Бухар жырау), писатель подчёркивает пользу присоединения казахских земель к России, которое, невзирая на сущность царизма, вело к сближению простых кочевников с угнетёнными русскими крестьянами и революционерами, что способствовало освобождению обоих народов [16].

Отношение к кочевому образу жизни у писателя было двоякое. Хотя он и создавал в художественной форме образы предков со всеми их плюсами и минусами, но делал это лишь для компенсации недостатков казах-

ской исторической науки, а не в угоду антисоветскому или шовинистическому видению истории, о чём свидетельствовали такие советские литературные критики, как, например, З. Кедрина [12, с. 6]. Кочевые империи у Есенберлина скорее больше ассоциировались с жестокими захватами и дикостью, что нашло отражение в другой, написанной в начале 80-х годов исторической трилогии, посвящённой Золотой Орде. Благополучие и могущество последней в основном зиждилось на эксплуатации оседлых народов, которые постоянно восставали против власти степняков. В романе это хорошо показано на примере русских княжеств, чья раздробленность использовалась монголами для более эффективного контроля [17].

Стоит отметить, что роман «Золотая Орда» раскрывает её роль в геополитических процессах Евразии, особенно в объединении Руси вокруг Московского княжества, в смене маршрутов Великого шёлкового пути, а также развитии Мавераннахра*. Таким образом, в художественной форме был задействован региональный или даже скорее континентальный подход, необходимый для более объективного изучения истории народов советской Средней Азии. Но главное, автор показал принципы централизованного управления Монгольской кочевой империей, которые в итоге переняли Чингизиды одной из ветвей

¹⁵ Колдыбаев С., Ахмет Л. О роли Кенесары Касымова в истории казахского народа (социально-философский аспект). 28 мая 2020 // URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/15310>

¹⁶ Есенберлин И. Кочевники. Кн. 2. Отчаяние / пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата: Жазушы, 1986. С. 118–119.

¹⁷ Есенберлин И. Золотая Орда / пер. с каз. В. Мироглова. Алма-Ата: Жазушы, 1989. С. 33, 54, 61, 64, 127.

* Мавераннахр – термин, использовавшийся с XIII в. применительно к историко-географическому региону в Центральной (Средней) Азии.

Золотой Орды – Керей и Жанибек, основавшие во второй половине XV в. Казахское ханство.

Таким образом, эта трилогия стала своего рода приквелом к роману

«Кочевники», где Есенберлин пытается показать преемственность степняков-казахов от Золотой Орды, тем самым углубив исторические корни своей нации.

У истоков антисоветчины

Не менее важным произведением для понимания значимости И. Есенberлина для постсоветского Казахстана является написанный им в начале 70-х годов автобиографический роман «Лодка, переплывающая океан», который, в отличие от «Кочевников», так и не был издан в советское время, поскольку писатель в нём подверг критическому осмыслению такие злободневные темы советско-казахстанской политики и советского периода казахстанской истории, как последствия освоения целины, голод во времена коллективизации, роль приговорённой к смерти казахской буржуазно-демократической интеллигенции (так называемых алашординцев) в развитии национальной культуры и волонтаристские территориальные метаморфозы, проводимые Н.С. Хрущёвым.

Все эти темы сегодня активно обсуждаются в информационном поле Казахстана.

Как и в произведениях, посвящённых более ранним периодам истории, писатель старался объективно проанализировать все рассматриваемые им проблемы. Хотя в романе и представлены недостатки целины и коллективизации, но делается это лишь для того, чтобы показать стойкость духа советского человека, преодолевшего все препятствия на пути построения ново-

го общества. В итоге целину автор характеризует положительно, а на коллективизацию смотрит как на необходимость, без которой не могла быть выиграна Великая Отечественная война. Непредвзятым взглядом видно отсутствие каких-либо попыток очернить или оклеветать советскую власть. Тем не менее неоднозначной может показаться позиция автора по поводу алашординцев, поддерживавших белогвардейцев в Гражданскую войну и в то же время работавших с большевиками на этапе становления советской власти в Казахстане. Но и тут скорее идёт разговор не о том, чтобы реабилитировать буржуазную интеллигенцию, а о том, чтобы изучать труды некоторых её представителей для расширения кругозора учёных и для объективной оценки их деятельности. Наверное, поэтому Есенберлин хотел посвятить свою третью трилогию именно алашординцам.

Что действительно негативно оценивается писателем, так это деятельность Хрущёва, часто использовавшего Казахстан в качестве полигона для своих административно-территориальных экспериментов.

Прежде всего речь идёт о передаче некоторых районов южных областей Казахстана в состав Узбекской ССР из-за схожести их экономического

уклада и географического положения. Подобная акция была предпринята в 1956 и 1963 гг. [18]. В итоге, после прихода Л.И. Брежнева к власти, большая часть утраченных территорий была возвращена.

Не менее странным было решение Хрущёва передать специализирующуюся на угольной промышленности Карагандинскую область Целинному краю, но благодаря А.И. Микояну эта затея провалилась ещё на старте [19].

В романе Есенберлин показывает, как территориальный вопрос без учёта мнения жителей Казахстана обсуждался за закрытыми дверями в Москве, что на первый взгляд должно было больше подпитывать неприязнь к советскому периоду, когда судьба республики решалась в Кремле [20]. На самом деле скептицизм писателя касался не столько роли Центра в руководстве советскими окраинами, сколько иррациональных планов конкретно Хрущёва. В связи с этим не исключено, что написанный в жанре социалистического реализма в конце 70-х годов роман «Мангыстауский фронт» [21], посвящённый освоению казахскими нефтяниками нефтяных месторождений в Западном Казахстане, мог быть своеобразным ответом Есенберлина на нереализованную попытку Хрущёва передать полуостров Мангышлак Туркмении, чьё приспособленное к пустынным условиям население, по его мнению, должно

было быстрее и лучше освоить нефтяные месторождения [17].

Роман «Лодка, переплывающая океан» дала толчок к переосмыслению (часто необъективному) многих моментов советского периода казахстанской истории, что привело сегодня к перманентным спекуляциям на тему «голодомора» и преждевременной кончины представителей буржуазной интеллигенции. Вместе с тем волонтеристское отношение Хрущёва к административным границам советских республик активно раскручивается пропагандистами постсоветской национальной идеи как пример, призванный подчеркнуть неизбежность распада СССР для современного Казахстана.

Центральной фигурой романа стал первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1960–1962 и 1964–1986 гг.) Д. Кунаев, который и отставал неприосновенность территориальной целостности республики перед Хрущёвым.

Писатель хорошо знал Д. Кунаева и поддерживал с ним дружеские отношения, что в определённой степени подчёркивает подлинность изложенных событий, так как Есенберлин наверняка имел доступ к инсайдерской информации. С другой стороны, в отличие от правителей Казахского ханства, чья сущность раскрывается всесторонне, Кунаев, несмотря на известные недостатки, в основном предстаёт перед читателем в выгодном свете, что иногда заставляет усомниться в объективности некоторых суждений автора. Как бы то ни было, но

¹⁸ Абылхажин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обречённых реформ и несостоявшихся деклараций. Алматы: КБТУ, 2020. С. 263–264.

¹⁹ Кунаев Д. О моём времени. От Сталина до Горбачёва. Алматы: Meloman Publishing, 2022. С. 148–149.

²⁰ Есенберлин И. Лодка, переплывающая океан / пер. с каз. Ю.О. Домбровский. Алматы: Книжный клуб, 2021. С. 92–97.

²¹ Есенберлин И. Мангыстауский фронт / пер. с каз. М.: Советский писатель, 1981.

именно этот руководитель в современном казахстанском обществе олицетворяет собой образ ис-

тинного государственника, для которого благо народа превыше всего.

Роман «Кочевники», несмотря на свой явно классово-интернационалистический характер, сделал то, чего не смогли сделать казахские историки в своё время: он сконструировал положительный образ степняка и казахской кочевой культуры. Написанная позже трилогия «Золотая Орда» примордиализировала этот образ и создала духовную базу для формирования мифа о золотом веке, к возвращению которого и должен стремиться современный Казахстан.

Что касается романа «Лодка, переплывающая океан», то поставленные автором вопросы дали новым националистам богатую почву для критики советской эпохи. Вот поэтому данное произведение сегодня завуалированно преподносится как антисоветское чтиво. А так как постсоветский казахстанский национализм во многом базируется на отрицании советской эпохи, то роман может смело считаться одним из его культурных столпов.

Огромную роль И. Есенберлина в конструировании национальной идеи современного Казахстана подчеркнул и президент страны К.-Ж. Токаев, сказав: «Познать казахскую историю невозможно без глубокого изучения трудов И. Есенберлина. Мы должны помнить и чтить тернистый, героический путь наших славных предков. Трилогия писателя “Кочевники” и роман “Золотая Орда” внесли огромный вклад в восстановление нашей исторической памяти. Воспевающие патриотический дух казахского народа произведения И. Есенберлина несут в себе трепетное отношение к истории нашей священной земли» [22].

Таким образом, писатель И. Есенберлин являлся продуктом советской национальной политики, а его художественный вклад в формате социалистического реализма, в переосмыслении некоторых ключевых аспектов казахской истории вместе с попыткой браться за острые темы стали, к сожалению, отправной точкой для нового, постсоветского национализма в Казахстане, который с течением времени будет всё дальше отдаляться от своей изначальной социалистической сущности.

Библиография • References

Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: четверда обречённых реформ и несостоявшихся деклараций. Алматы: КБТУ, 2020. – 468 с.

[Abylhozhin ZH.B. Poststalinskij period v istorii sovetskogo Kazahstana: chereda obrechyonnyh reform i nesostoyavshihся deklaracij. Almaty: KBTU, 2020. – 468 s.]

Акимбеков С. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2016. – 912 с.

²² Цит. по: Впервые издан роман Ильяса Есенберлина, запрещённый в советское время. 14 сентября 2021 // URL: https://forbes.kz/news/2021/09/14/newsid_258763

- [Akimbekov S. Istorya stepej: fenomen gosudarstva CHingiskhana v istorii Evrazii. Almaty: Institut Aziatskih issledovanij, 2016. – 912 s.]
Акимбеков С. Казахи между революцией и голодом. Алматы: Институт Азиатских исследований, 2021. – 584 с.
- [Akimbekov S. Kazahi mezhdju revolyuciej i golodom. Almaty: Institut Aziatskih issledovanij, 2021. – 584 s.]
Верхотуров Д. Экономические победы Сталина. М.: Наше завтра, 2021. – 244 с.
[Verhoturov D. Ekonomicheskie pobedy Stalina. M.: Nashe zavtra, 2021. – 244 s.]
Впервые издан роман Ильяса Есенберлина, запрещённый в советское время.
14 сентября 2021 // URL: https://forbes.kz/news/2021/09/14/newsid_258763
[Vpervye izdan roman Il'yasa Esenberlina, zapreshchyonnyj v sovetskoe vremya.
14 sentyabrya 2021 // URL: https://forbes.kz/news/2021/09/14/newsid_258763]
Есенберлин И. Золотая Орда / пер. с каз. В. Мироглова. Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 506 с.
[Esenberlin I. Zolotaya Orda / per. s kaz. V. Miroglova. Alma-Ata: ZHazushy, 1989. – 506 s.]
Есенберлин И. Кочевники. Кн. 1. Заговорённый меч / пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 220 с.
[Esenberlin I. Kochevnikи. Kn. 1. Zagovoryonnij mech / per. s kaz. M. Simashko. Alma-Ata: ZHazushy, 1986. – 220 s.]
Есенберлин И. Кочевники. Кн. 2. Отчаяние / пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 222 с.
[Esenberlin I. Kochevnikи. Kn. 2. Otchayanie / per. s kaz. M. Simashko. Alma-Ata: ZHazushy, 1986. – 222 s.]
Есенберлин И. Кочевники. Кн. 3. Хан Кене / пер. с каз. М. Симашко. Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 229 с.
[Esenberlin I. Kochevnikи. Kn. 3. Han Kene / per. s kaz. M. Simashko. Alma-Ata: ZHazushy, 1986. – 229 s.]
Есенберлин И. Мангистауский фронт / пер. с каз. М.: Советский писатель, 1981. – 511 с.
[Esenberlin I. Mangystauskij front / per. s kaz. M.: Sovetskiy pisatel', 1981. – 511 s.]
Есенберлин И. Опасная переправа / пер. с каз. Ю. Домбровского. М.: Советский писатель, 1970. – 263 с.
[Esenberlin I. Opasnaya pereprava / per. s kaz. YU. Dombrovskogo. M.: Sovetskiy pisatel', 1970. – 263 s.]
Есенберлин И. Лодка, переплывающая океан / пер. с каз. Алматы: Книжный клуб, 2021. – 336 с.
[Esenberlin I. Lodka, pereplyvayushchaya okean / per. s kaz. YU.O. Dombrovskij. Almaty: Knizhnyj klub, 2021. – 336 s.]
Колдыбаев С., Ахмет Л. О роли Кенесары Касымова в истории казахского народа (социально-философский аспект). 28 мая 2020 // URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/15310>
[Koldybaev S., Ahmet L. O roli Kenesary Kasymova v istorii kazahskogo naroda (social'no-filosofskij aspekt). 28 maya 2020 // URL: <https://mysl.kazgazeta.kz/news/15310>]
Кунаев Д. О моём времени. От Сталина до Горбачёва. Алматы: Meloman Publishing, 2022. – 378 с.

- [*Kunaev D.* О moyom vremeni. Ot Stalina do Gorbachyova. Almaty: Meloman Publishing, 2022. – 378 s.]
- Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. – 567 с.
- [*Lenin V.I.* PSS. Т. 24. – 567 с.]
- Сталин И.В.* Об очередных задачах партий в национальном вопросе, 1921 // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 232 с.
- [*Stalin I.V.* Ob ocherednyh zadachah partij v nacional'nom voprose, 1921 // Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros. M.: Partizdat CK VKP(b), 1937. – 232 s.]
- Сталин И.В.* Политика советской власти по национальному вопросу, 1920 // Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 232 с.
- [*Stalin I.V.* Politika sovetskoy vlasti po nacional'nomu voprosu, 1920 // Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros. M.: Partizdat CK VKP(b), 1937. – 232 s.]
- Темиргалиев Р.* Ак-Орда: история Казахского ханства. Аспандай, 2013. – 420 с.
- [*Temirgaliev R.* Ak-Orda: istoriya Kazahskogo hanstva. Aspandau, 2013. – 420 s.]
- Bustanov A.K.* Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 144 p.
- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2005. – 367 p.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2001. – 496 p.
- Ubiria G.* Soviet Nation-Building in Central Asia: the making of the Kazakh and Uzbek Nation. L.; N.Y.: Routledge, 2016. – 271 p.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2022 г.